

НАУКА И ПРЕПОДАВАНИЕ В СЕМЬЕ БОРИСА ВАСИЛЬЕВИЧА КУКАРКИНА

И. В. Кузнецова

Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга МГУ

В 2013 г. были опубликованы дневники нескольких членов семейства Аллендорф — ближайших родственников Б. В. Кукаркина по материнской линии. Из них удалось узнать ряд новых фактов из детства Бориса Васильевича и проследить череду его предков до их приезда в Российскую империю. Ознакомление с этими фактами позволило сформулировать вопрос: каким образом в череде нескольких поколений пасторов и учителей словесности появился один из крупнейших советских астрономов? В этой работе сделана попытка ответить на него.

SCIENCE AND TEACHING IN THE FAMILY OF BORIS VASILIEVICH KUKARKIN

I. V. Kuznetsova

Sternberg Astronomical Institute of Moscow State University

In 2013 were published diaries of several members of the Allendorf family — close relatives of B. V. Kukarkin on the maternal side. From them it was possible to learn a number of new facts from the childhood of Boris Vasilyevich and trace the succession of his ancestors before their arrival in the Russian Empire. Acquaintance with these facts made it possible to formulate the question: how did one of the greatest Soviet astronomers appear in a series of several generations of pastors and teachers of literature? This paper is attempts to answer it.

Введение

Соприкасаясь с выдающимися учеными, мы хотим знать не только об их научном наследии, но и об их жизни, и об их семье, пытаясь разгадать, как они достигли таких успехов в науке, преподавании и другой деятельности, что и кто способствовал становлению и развитию их способностей, которые в конечном счете проявились в высоких научных достижениях, служащих образцом для уважения и подражания следующими поколениями.

Научные заслуги Бориса Васильевича Кукаркина хорошо известны, ведь он был приглашен в ГАИШ в 1932 г., через год после создания института. Обычно в этом возрасте (тогда ему было 23 года) студенты приближаются к окончанию университета, а Кукаркин уже успел поработать целый год в Ташкентской обсерватории, опубликовав за это время 20 работ. Он был уже известен в профессиональном сообществе астрономов как сложившийся специалист, успешный наблюдатель переменных звезд, учредитель бюллетеня «Переменные звезды», позже ставшего журналом. (Этот журнал существует и сегодня и поддерживается в электронном виде. В нем публикуются результаты исследований переменных звезд и других космических объектов, показывающих явления нестационарности. Публикуются также связанные с этими объектами методические и теоретические работы.) Сам Борис Васильевич 49 лет был редактором журнала. Удивительно, но инициатором создания этого журнала Борис стал в 18 лет.

Что же мы знаем о Борисе Васильевиче Кукаркине? О его происхождении, семье, о тех, кто растил и воспитывал этого замечательного ученого? Какие люди и обстоятельства жизни вывели его на «звездный путь»?

Итак, Борис Кукаркин

- не имеет диплома о высшем образовании;
- в 1928—1931 гг. заведовал обсерваторией Нижегородского кружка любителей физики и астрономии;
- в 18 лет (в 1928 г.) основал бюллетень «Переменные звезды», существующий и в настоящее время;
- с 1932 г. (с 23 лет) сотрудник ГАИШ, в 1952—1956 гг. его директор;
- заведующий отделом переменных звезд;
- заведующий кафедрой звездной астрономии (1960—1964), затем кафедрой звездной астрономии и астрометрии (1964—1977) физического факультета МГУ;
- инициатор создания в СССР Центра по исследованию переменных звезд (в 1931 г., в дальнейшем — комиссия Астросовета);
- в 1951—1958 гг. президент Комиссии 27 МАС («Переменные звезды»);
- в 1955—1961 гг. вице-президент МАС.

Его научные заслуги тоже весьма немалые:

- Он установил существование в Галактике плоской и сферической подсистем звезд (1943—1944 гг., одновременно с В. Бааде, США), а также промежуточной подсистемы и ряда подсистем. Показал различие переменных (цефеид) в шаровых скоплениях и вне их (1949 г., совместно с П. П. Паренаго).
- Вместе с Паренаго стал основоположником (1948) издания продолжающегося многотомного «Общего каталога переменных звезд». Докторская диссертация «Переменные звезды и строение звездных систем» (1947). Получил премию им. Ф. А. Бредихина АН СССР (1950).
- Вел большую педагогическую работу, помимо звездно-астрономических курсов, в течение четверти века читал курс истории астрономии.
- Участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Вся его биография и заслуги, казалось бы, известны и отражены в публикациях. Но вопросы о том, как и почему Борис Кукаркин стал астрономом, почему не получил высшего образования, на основании каких ценностно-духовных ориентиров формировалась такая разносторонняя личность ученого, который прекрасно знал литературу, владел несколькими иностранными языками, был театралом, ценил искусство, обладал яркой харизмой, оставались до некоторого времени без освещения.

В 2013 г. в Сети появились документы, дневники и письма ближайших родственников Бориса Васильевича по линии матери, Елены Кукаркиной (в девичестве Аллендорф): родной тети, двоюродных сестер, Киры и Марины (дочери дяди, Александра Аллендорфа), письма бабушки и дядьёв Эрвина и Александра. Оказалось, что Борис Кукаркин происходит не только из семьи потомственных учителей-словесников, но и имеет аристократические корни. Ну а если посмотреть на семью не только как на ближайших родственников, но и на предков, а также на тех, кто оказался в близком общении с семьей и причастен волей судьбы к обстоятельствам жизни Бориса Кукаркина, откроется много интересного.

Упомянутые документы оцифровали и опубликовали в блоге «Сказки Олеланта» [1]. В них присутствует обилие бытовых подробностей и мельчайших деталей повседневной жизни, вплоть до почти ежедневного указания погоды. В основном дневники описывают жизнь очень старательной ученицы Нижегородского Мариинского института благородных девиц Анны Аллендорф (младшей дочери А. А. Аллендорфа), беспрестанно думающей об уроках, экзаменах и иногда о любви. Анна начинает вести записи в 1900 г., в 13 лет, во время учебы в Нижегородском Мариинском институте благородных девиц. После окончания института она становится учительницей, открывает собственную гимназию. С неизменной прилежностью Анна описывает свою учебу, преподавательскую деятельность, прочитанные книги, походы в театр, танцевальные вечера, увлечения и влюбленности и людей.

Давние предки Б. В. Кукаркина по материнской линии

Фамилия Аллендорф позволила установить предков Кукаркина по материнской линии, начиная с 1775 г.

Фотографии прапрадеда Кукаркина по линии Аллендорфов не сохранилось. Вот что о нем известно: Аллендорф Иоганн Михаэль Карл (Allendorf, Johann Michael Karl), евангелическо-лютеранский священник, пастор, родился 16 сентября 1775 г. в г. Буттштедт (нем. Buttstädt) в окрестностях Веймара, сын мясника. С 1795 по 1803 г. изучал теологию в университете в Йене (Jena). Рукоположен в священники 10 мая 1804 г. в Санкт-Петербурге. Служил пастором в г. Оренбурге (1804—1806); в колонии Рибенсдорф (Riebendorf) (1806—1822); в Тамбове (1822—1824) и в евангелическо-лютеранском приходе Ягодная Поляна (Беренфельд) (1824—1826) Пробстского округа нагорной стороны Волги с центром в колонии Ягодная Поляна.

Известно, что пастор был центральной фигурой и самым образованным человеком в колонии. В его ведении всегда была школа. Под его руководством проходили уроки пения и священной истории, нравственные беседы. Семейное воспитание тоже было под контролем пастора.

Интересно, что примерно сто лет после переселения немецкие общины держались очень обособленно. Им высочайшим повелением были дарованы льготы, они не служили в армии, не платили налоги . . . Но через сто лет (льготы были дадены «на век», а не «навек») немцы быстро ассимилировали. Но родственные связи продолжали поддерживать, помогали друг другу и прочее.

В семье прапрадеда Кукаркина было двое сыновей, и они оба пошли по стопам отца, став лютеранскими священниками. Один из них, Аллендорф, Александр Карл Август (Allendorf Alexander Karl August), евангелическо-лютеранский священник, пастор, пробст, родившийся 19 ноября 1807 г. в немецкой колонии Рибенсдорф (Riebendorf) близ Воронежа, умер 6 сентября 1866 г. в колонии Розенгейм (Подстепная), стал родоначальником учительской династии. Его дети все стали преподавателями иностранного (немецкого) языка, авторами учебников и методических пособий.

Семья матери Б. В. Кукаркина

Бабушка Кукаркина со стороны матери происходила из рода Локкенбергов. Ее отец Alexander Karl Lockenberg (Александр Карл Астафьевич) был преподавателем в Александровском институте Нижнего Новгорода, там же, где спустя годы служил преподавателем, а затем инспектором и ее муж — дед Бориса Кукаркина.

Семья деда Бориса Кукаркина со стороны матери, статского советника Александра Аллендорфа, — это уже преподавательская семья. Дед родился в 1835 г. в немецкой колонии

Подстепное, которая располагалась на территории Самарского уезда Самарской губернии, в левобережье Волги. В 1851—1855 гг. учился в Дерптской гимназии. В 1856—1863 гг. — студент теологического факультета Дерптского университета. В период учебы работал домашним учителем в имении Мойзама (Moisama) в Эстляндской губернии и в имении Загниц (Sagnitz) в Лифляндской губернии. В 1864—1865 гг. — частный учитель в Казани, студент-дипломник педагогических курсов в Казанском университете. С 1866 г. — учитель и воспитатель, а с 1877 г. еще и инспектор в Александровском дворянском институте и в военной гимназии в Нижнем Новгороде.

К слову сказать, немецкая сравнительная грамматика, составленная Александром Аллендорфом для средних учебных заведений, выдержала не менее пяти изданий.

Некоторое время, с 1871 по 1878 г., он вел занятия по немецкому языку и словесности в Мариинском институте благородных девиц в Нижнем Новгороде.

Известно о восьмерых детях Эмили и Александра. Адольф умер в приготовительном классе в 1883 г., Владимир ушел из жизни, будучи уже восьмиклассником в 1886 г. Сохранился альбом с фотографиями учеников Александра Александровича Аллендорфа, подаренный ему в 1900 г., а также известно стихотворение поэта серебряного века Бориса Александровича Садовского, посвященное учителю А. А. Аллендорфу. Вот как вспоминает Борис Садовский своего школьного учителя: «Старик-инспектор, Аллендорф, высокий представительный немец со вставными челюстями, не любил меня за своеволие и шаловливость <...> особенно за то, что я нарушил данное ему слово до 25-ти лет не писать стихов».

А. А. Аллендорф

Ты был инспектор с головы до ног,
Осанистый, седой, высокий, в синем фраке.
Суровый окрик твой и дружеский упрек
Мы слушали, устав от беготни и драки.
Мне смутно помнится немецкий твой урок:
«Bin liebes Hündchen», повесть о собаке.
Ты в карцер запирали меня на долгий срок
И в стихотворчестве беспутства видел знаки.
Спокойно-величав, в час шумных перемен
Ловил проказников и ставил их у стен,
Но отчего, скажи, глаза твои так кротки?
Ах, в доме у тебя, что год, то новый гроб.
Любимый сын пускает пулю в лоб,
Жена и дочери во власти злой чахотки.

1942 г.

Действительно, от туберкулеза страдали почти все члены семьи. Эмилия Александровна — бабушка Бориса Кукаркина, жена Александра Александровича, была прекрасной пианисткой, хорошо воспитанной и образованной женщиной. Именно она была духовной и нравственной опорой для всех своих детей и мужа. Более того, обладая предпринимательской жилкой, Эмилия Александровна вносила немалую лепту в материальное обеспечение своей семьи. Она брала в семью как пансионеров мальчиков из семей знакомых, обеспечивая последним не только пристройство, но и помощь в учебе, разумеется, это было не бесплатно. Количество пансионеров варьировалось, но было не менее пяти человек. Вот что пишет ее дочь Анна в своем дневнике.

Цитата из дневника 1901 г.: «Пансионеры все-таки мне ужасно надоели. Вечный крик, визг, мамы я теперь почти не вижу: придешь из института, мама делает задачи, потом

занимается с ними и так целый день. Сегодня я вспоминала прежнее время, когда мы жили в институте. Господи! Как хорошо было! Жили мы семьей. . . » [1].

Дочерей в семье Аллендорфов было всего две. Старшая, Елена, родилась в 1883 г. Младшая, Анна, в 1886 г. Обе девочки окончили Мариинский институт благородных девиц с серебряными медалями. Анна Аллендорф — это тетя Бориса Кукаркина. Именно ее записи — основной источник сведений о ранней биографии Б. В. Кукаркина, о тех людях и событиях, которые повлияли на его личность, выбор профессии и судьбу.

Анна Александровна Аллендорф родилась 30 июня 1886 г. Про нее известно, что в советское время она преподавала немецкий и французский языки в Нижегородском государственном университете по совместительству (1920—1930), а основной была работа в Нижегородском педагогическом институте. Так случилось, что именно она, наряду с родителями и бабушкой, принимала непосредственное участие в воспитании Бориса Кукаркина и, без сомнения, оказала на него большое влияние. Сама она была прирожденным преподавателем, любящим свое дело и отдающим ему без остатка.

Вот одна из записей в ее дневнике, в которой ярко проявляется характер этой девушки, уже окончившей институт, в то время, когда семья потеряла кормильца — после смерти Александра Александровича Аллендорфа.

10 августа 1906 г. Четверг: «Вечером я прочла прошение к Прутченко* относительно пенсии для меня. Там сказано “дочь моя крайне слабого здоровья и поэтому не в состоянии содержать себя собственным трудом”. Ужасно меня это обидело и показалось унижительным. Я только и мечтаю о том, чтобы содержать себя своим трудом, а вдруг про меня так пишут, ужасно это неприятно».

Дворянский институт — это среднее учебное заведение, после него поступали в вузы. Окончание с медалью давало право преподавательской деятельности в младшей школе, причем по всем направлениям подготовки. Об этом выдавали документ, называемый «Свидетельство домашней наставницы», который давал право преподавать целый ряд предметов: историю, географию, русский язык, естествознание, математику, французский и немецкий языки, правда, только в младших классах гимназии или частным образом.

Весь институтский комплекс размещался в центре Нижнего Новгорода, совсем недалеко от кремлевских стен, где и прошло детство сестер Елены и Анны Аллендорф. Здание бывшего института сохранилось и сейчас, в нем располагается один из корпусов Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева.

Елена, окончившая институт раньше своей сестры, намеревалась работать в суде.

16 ноября 1901 г.: «Лена сегодня в первый раз пошла в окружной суд, что-то будет. Господи! Помогите ей!»

30 ноября: «Лена должна дежурить через каждые 2 недели. Мама говорит, что это слишком и, вообще, ей не нравится, что Лене приходится так много работать. Лена на это сердится и за обедом ничего не говорила».

Еще некоторое время, до 1903 г., Анна учится в институте, жизнь семьи спокойна, насыщена и безоблачна.

28 августа 1901 г. Вторник: «Небо серое: дождик льет, как из ведра. Я все читала “Pêcheur d’Islande”, интересно!»

Матрена у нас больна, у нее сильный жар. Таня делает все, что только можно на кухне. Лена ей помогала, а я в комнатах убирала за Таню стол и мыла посуду.

Мы сегодня опять решали задачи, сначала с Леной, а потом с мамой.

После обеда я играла с мальчиками в прятки, в цари и в мячик.

Потом мы с Леной читали вместе Жуковского “Последние минуты Пушкина”, “Пожар в Зимнем Дворце” и проч., и проч., но мама позвала меня решать задачи. Решили мы несколько, но одну так и не смогли решить, хотим спросить Эрю.

*Сергей Михайлович Прутченко — предводитель дворянства Нижегородской губернии в 1906—1909 гг.

Мама читала мальчикам «Чем люди живы»**. Мы с Леной тоже слушали. Ах, как мне это нравится! У меня на душе сделалось как-то светло и мне хотелось быть такой хорошей и всех любить, никому не делать зла».

Семья родителей Б. В. Кукаркина

В 1901 г. в жизни Елены Аллендорф появился Василий Васильевич Кукаркин. В этом же году упоминания о Василии Васильевиче появляются и в дневнике Анны.

17 октября 1901 г.: «Оказывается, пока мы были в церкви, у нас был Кукаркин, папе он замечательно нравится».

4 ноября: «За завтраком у нас был Кукаркин, какой он симпатичный, просто прелесть!»

8 ноября 1901 г.: «Читали стихи Садовского “Валтасар”, очень скверные и вот мы решили написать что-нибудь и тоже послать в “Волгарь”***, чтобы узнать, примут ли».

14 мая 1902 г.: «И самое главное событие — это Ленина помолвка с В. В. Кукаркиным. Слава богу! Они любят друг друга, а это главное».

Из дневника Анны Аллендорф мы узнаем, что свадьба состоялась 18 августа 1902 г. 28 июля 1903 г. у пары появляется первенец — Анна Васильевна Кукаркина (Нюся). 28 февраля 1905 г. рожден Василий Кукаркин (старший брат Бориса). 8 февраля 1908 г. рожден Евгений Кукаркин (видимо, умер во младенчестве). 17 октября (старого стиля) 1909 г. родился Борис Кукаркин, его тетя стала ему крестной матерью.

Запись в дневнике: «В 12 дня у Лены родился мальчик. Слава Богу, все благополучно, ребенок довольно крепкий, и Лена чувствует себя тоже сравнительно хорошо. Весь день сидела у Лены, а в 5 часов отправилась за Нюской [это старшая сестра Бориса — Анна. — И. К.]. Она, конечно, в восторге, что у нее братец».

21 октября 1909 г. Среда: «Опять ясно!»

... Замечательно было пройтись по солнышку. Вернувшись домой, накрывала стол для предстоящего угощения после крестин, а там вскоре пришел батюшка с дьяконом и Барановы. Илья Семенович был крестным отцом, а я крестной матерью. Крестника моего назвали Борей. Лена, слава Богу, чувствует себя хорошо, только бы и дальше все шло так».

Из дневниковых записей понятно, что традиции, настроение, духовные потребности в семье Аллендорфов определялись Эмилией Александровной (в девичестве Локкенберг). Мать Эмили Александровны Елизабета-Паулина принадлежала к роду фон Веттерштрадов (von Wetterstrand). Конечно, Эмилия, ее сестры и братья получили прекрасное образование и воспитание. Каждый из детей этих семей передавал приоритеты в свои вновь образованные семьи. Ведущая роль всегда отдавалась образованию. Всех детей обучали музыке, иностранным языкам. Конечно, ходили в лютеранскую кирху. Книги для чтения часто брали в городской библиотеке. Удивительно, но в числе авторов в дневниках Анны Аллендорф упоминается французский популяризатор астрономии Фламмарин. Не она ли впервые приобщила Бориса к этой замечательной, увлекательной, интереснейшей области знания?

Из дневника Анны: «... 24 декабря 1902 г., накануне Рождества, мы украшали елку, гуляли. Обедали в пансионерской. Были в церкви, а потом <...> зажгли елку. Мне подарили замечательно хорошие подарки. Моего Надсона в очень красивом переплете, Фритьофа Нансена, Роб Роя, потом еще прелестную картинку на фарфоре, почтовую бумагу и т. д. В прошлом году я далеко не так была довольна подарками. Дядя подарил маме висячую лампу, а Лене розовый фонарь. Теперь в ее комнате очень уютно».

** Рассказ Л. Н. Толстого (1881 г.) или стихотворение В. С. Соловьева (1882 г.)?

*** Популярная газета, издававшаяся в Нижнем Новгороде с 1875 по 1918 г.

Как уже упоминалось, после того как был исчерпан столетний период жизни немецких колоний на территории России, браки стали совершаться не только между «своими».

Лев Иванович Поливанов — муж Марии Александровны Аллендорф

Очень известным в России человеком был муж родной сестры Эмили Александровны Лев Иванович Поливанов. Лев Иванович родился в 1838 г. в селе Загарино Нижегородской губернии. Но образование получал уже в Москве. Сначала ходил в Первую казенную гимназию на улице Волхонке. Этот опыт был скорее отрицательным. И очень нужным впоследствии. Там он понял, как ни в коем случае нельзя организовывать учебный процесс. «Ненавижу казенщину!» — сделалось излюбленной фразой Льва Поливанова, практически жизненным девизом.

Этот странный директор гимназии разрешал вместо приготовления уроков посещать театр, всхлипывал на занятиях, словно ребенок, носился по коридорам вместе с учениками и обменивался с ними эпиграммами. А его гимназия считалась лучшей в Москве.

В 1868 г. Лев Поливанов открывает на Пречистенке частную мужскую классическую гимназию. Тридцать лет — самое время для открытия своего дела. Лев Иванович к тому моменту окончил историко-филологический факультет Московского университета, имел приличный преподавательский опыт и четко представлял, чего именно в гимназии делать нельзя. Нельзя, чтобы была казенщина. Все остальное можно. Телесные наказания в принципе отсутствовали. Отсутствовал также и карцер. Если ученик не выучит урок и скажет, что был на премьере в Малом, Поливанов (он был здесь не только директором, но и словесником) считал это уважительной причиной. Зато если Поливанов вдруг увидит у кого-нибудь тетрадь казенного образца, то порвет обязательно. Да еще накричит: «Ненавижу казенщину!» Гимназисты звали его просто — «Лев». Он, кстати, был действительно внешне похож на льва.

Мария Александровна Поливанова, его жена, была знакома с Достоевским, имела с ним небольшую переписку. Вместе с мужем она участвовала в организации Пушкинских празднеств 1880 г., отмеченных впечатляющей речью Достоевского [2].

Семья Поливановых упоминается не только в дневниках Анны, но и Киры Аллендорф — дочери дяди, Кукаркина Александра Александровича, инженера-железнодорожника, жившего в Москве. Кира Александровна Аллендорф родилась в 1905 г. в Москве. Она прожила долгую жизнь, стала достаточно известным филологом. В 1959 г. она опубликовала книгу «Очерк истории французского языка» [3], а в 1966 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Значение и изменение значений слов». Ее теоретические разработки до сих пор не утратили свою научную ценность. Кира Александровна так и не вышла замуж, в старости она жила с Мариной и ее мужем.

Ее младшая сестра, Марина Александровна Аллендорф (1915—1994), стала художником-графиком. Не так давно, в 2000 г., был опубликован ее альбом [4]. Альбом этот составил ее муж, художник Сергей Лагутин.

Московские и петербургские родственники Кукаркиных

Известно, что именно в семье Александра Аллендорфа (Сапи) останавливались члены семьи Бориса Кукаркина, когда приезжали в Москву. В дневниках есть упоминания еще и о петербургских родственниках. Брат Эмили Александровны, Адольф Локкенберг, стал, как его отец, пастором (в дневнике он упоминается под именем «дядя Адя»).

Вот запись в дневнике, когда Анна приехала к родственникам в Петербург, в это время там живет семья ее брата Александра Александровича Аллендорф и семья Локкенбергов.

13 декабря 1909 г. Воскресенье: «Утром поехали мы с Сашей в St. Petr. Kirche (Лютеранская церковь в Петербурге). Громадная церковь и поэтому какая-то неудобная.

Из церкви ездили за билетами в Малый театр.

После завтрака были у дяди Ади. Просидели мы там недолго, но в это короткое время дядя ужасно мне понравился.

Вечером были в театре на пьесе “Генрих Наварский”. Играли отлично и обстановка великолепная, так, что я смотрела с удовольствием».

Упомянутый в тексте дядя Адя родился в Нижнем Новгороде в семье Александра-Карла и Паулины-Элизабет Локкенберг (урожденной Веттерштрауд). Изучал теологию в Дерптском университете (окончил в 1866 г.). Служил в немецких колониях под Одессой в Херсонской губернии. При Одесской евангелическо-лютеранской общине действовали приходская школа, сиротский приют и богадельня.

В 1873—1892 гг. он был ordinарным пастором в приходе Стрельна-Кипень (Санкт-Петербургская губерния) и одновременно дворцовым проповедником в Ораниенбауме. Затем пастором в Одессе (1892—1907 г.), а с 1907 г. — в Санкт-Петербурге.

Дядя Адя — кавалер многих орденов, человек заслуженный и уважаемый в высшем свете. Его жена тоже представительница известного рода — Сюзанна Юлия Локкенберг (урожденная фон Фе (von Veh) (1841—1909)), похоронена вместе с мужем на Смоленском кладбище. Супруги имели семерых детей.

Один из их сыновей был довольно известным художником. Локкенберг Вальтер Адольфович. Вальтер рожден 22 ноября (4 декабря) 1875 г. (пос. Стрельна, близ Санкт-Петербурга), умер 8 февраля 1921 (Харбин). Живописец, сценограф. В 1895 г. он окончил гимназию при реформатских церквях в Петербурге. Учился в ЦУТР, Одесском художественном училище (1899 и 1902—1903), школе А. Албе в Мюнхене (1899—1901). В 1903 г. поступил в ИАХ, в декабре 1906 г. был отчислен за непосещение классов. Он, так же, как и Анна Аллендорф, получил свидетельство на право преподавания в средних учебных заведениях. Разумеется, он был знаком со своими двоюродными сестрами и братьями. Девушки, как и Эмилия Александровна, бывали в Петербурге у родственников. Вальтер был неплохим живописцем, это позволило ему сблизиться с художниками группы «Мир искусства». Он участвовал в выставках «Мир искусства» (СПб., 1906, 1911), Выставке русского искусства в рамках Осеннего салона в Париже (1906), выставках СРХ (СПб., М., 1906—1910) и «Звено» (Киев, 1908). Он даже помогал А. Н. Бенуа в оформлении оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского для Гранд-Опера в Париже (1908). Работал в Мариинском театре под руководством А. Я. Головина, сотрудничал в дягилевских «Русских сезонах». Был дружен с И. Э. Грабарем, который помогал ему в получении заказов. В качестве актера участвовал в экспериментальных постановках В. Э. Мейерхольда.

До 1914 г. Вальтер жил в Петербурге, писал пейзажи, натюрморты, картины жанрового содержания. После Первой мировой войны в 1914 г. был интернирован и отправлен в Иркутск, откуда после революции эмигрировал в Китай. Одна из его работ представлена в Государственном Русском Музее. Это «Похищение сабинянок. Скульптура в Летнем саду» (1907). Существует портрет художника в исполнении А. Е. Яковлева (1911 г., Государственный музей искусств Грузии). После вынужденной эмиграции в Китай художник работал в Пекине. Исполнял акварели на темы китайской старины, написал портреты президента Юань Шикая, премьер-министра Сюши Чена, русского посланника Крупенского, датского посланника графа Альфреда и др. Работал также над книгой «Расцвет русского искусства в царствование императора Николая II». Последние годы провел в Харбине, исполнял росписи для кабаре «Би-Ба-Бо». В день смерти принял православие и был окрещен Василием.

Оба дяди Бориса Кукаркина — Александр в 1889 г. и Эрвин в 1892 г. — по окончании Александровского дворянского института были награждены золотыми медалями. В этом институте училось много знаменитостей: один из наиболее известных историков второй половины XIX в., профессор Петербургского университета, академик К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), композитор, музыкальный общественный деятель М. А. Балакирев (1836—1910), математик, академик АН СССР В. А. Стеклов (1863—1926) (выпущен с серебряной медалью), поэт и драматург А. Б. Мариенгоф (1897—1862), один из видных представителей советской исторической школы, член-корреспондент АН СССР С. И. Архангельский (1882—1958), заслуженный артист РСФСР, создатель театра монодрамы «Современник» В. Н. Яхонтов (1899—1945) и др.

Из двух братьев именно Эрвин становится преподавателем-словесником. Старший брат, Александр Александрович Аллендорф, — инженер-железнодорожник. А его дети Кира Аллендорф стала профессором русского языка, а Марина Аллендорф — художницей.

Эрвин Аллендорф до своей смерти в 1920 г. жил в Нижнем Новгороде, работал учителем в разных местах пока позволяло здоровье. Особую роль в жизни Кукаркина сыграла Зинаида Ефграфьевна Пестова — жена Эрвина. Но об этом немного дальше.

После окончания института Анна работает в прогимназии (начальные классы), преподает немецкий и французский языки, мечтает сдать квалификационные экзамены для работы и в старших классах. Помимо этого, она берет частные уроки, занимается с Васюткой и Нюсей — своими племянниками (братом и сестрой Бориса Кукаркина). Девушка хочет открыть свою частную гимназию, поскольку у нее как у педагога сформировались свои взгляды на методику преподавания и на условия, в которых хотелось бы работать.

Запись в дневнике от 6 июля 1910 г. Вторник: «Летний нежаркий день. Утром совершенно неожиданно мне принесли бумагу из округа с разрешением открыть женское учебное заведение 2-го разряда с программой женских гимназий. Это значит, что мое заведение будет без прав. Права будут даны потом, когда окружное начальство удостоверится в моей способности к организации учебного дела. Итак, разрешение, хотя несколько и условное, есть.

Известие это меня страшно взволновало, так что долгое время я не могла ничем заняться и только и думала о своей гимназии. Что-то будет?! Страшно мне немножко браться за такое трудное и ответственное дело. Боюсь я, хватит ли у меня умения и энергии повести его как следует, но, с другой стороны, меня очень привлекает такая самостоятельная и интересная работа, и я надеюсь, что с Божьей помощью что-нибудь, да выйдет. Теперь все дело за А. В. Дмитриевой: если она не раздумала, то с сентября, вероятно, наше учебное заведение будет открыто».

Из дневника, без даты: «Очень давно я уже не писала дневник, так как совсем завертелась, открывая свою гимназию. Дела было очень много, а еще больше забот и хлопот, так что первое время я очень утомлялась, а теперь начинаю привыкать.

20 августа и 21-го у меня были приемные экзамены: экзаменовалось всего 8 учениц.

1-го сентября был молебен, а со 2-го начались занятия. Сначала было 16 учениц, а теперь их стало 26: в подготовительном 10 учениц, в I классе — 12, во II-м всего-навсего — 4. Занятия теперь уже идут вполне правильно, отношения с ученицами установились хорошие, но все-таки иногда я мучаюсь различными сомнениями: очень часто мне кажется, что я не гожусь для того, чтобы стоять во главе такого большого дела, что я не дам ученицам то, что, собственно, надо бы было им дать и т. д., и т. д. Ответственность на мне, конечно, очень большая, и иногда это тяжело».

Стоит упомянуть о том, что частные учебные заведения иногда получали частичную помощь от властей. Известно, что в течение четырех лет на содержание и оборудование гимназии Анна Аллендорф истратила своих личных средств 8 600 рублей [5].

Переезд в Нежин

С 1913 по 1922 г., в годы революции и Гражданской войны, семья Кукаркиных жила на Украине, в Нежине. Этот город в свое время, когда присоединился к России, был крупнейшим из городов Малороссии, с 12-тысячным населением (что в полтора раза превосходило Киев). Там отцу Бориса, Василию Васильевичу Кукаркину, предложили место наставника студентов в местном учебном заведении. Семья Кукаркиных решила переехать. Не желая расставаться с внуками, вместе с Кукаркиными переехали в Нежин и Эмилия Александровна и Анна. Анна пошла учиться в историко-философском институте (Безбородко). Одновременно она работала в гимназиях, давала частные уроки, занималась с племянниками. Эмилия Александровна жила с дочерью недалеко от дома с садом, где обитали Кукаркины. Уклад жизни старались сохранить прежним, с опорой на образование. В доме Кукаркиных был рояль, держали квартирантов. Были няни и прислуга. В 1917—1918 гг. город переходил из рук в руки от большевиков к немцам или к белым. Сад выручал, но жили почти впроголодь. Лена постоянно болела, но в 1917 г. у Кукаркиных родилась младшая дочь, Елена Кукаркина.

Институт, где училась Анна, занимал громадное по тем временам трехэтажное здание, фасад которого украшали двенадцать белых колонн и фамильный герб семьи Безбородко со словами: «Labore et Zello» («Трудом и усердием»). В правом крыле первого этажа находилась администрация института и больница на 6—8 коек со своим фельдшером. В левом крыле располагались графские покои — несколько комнат с картинами и обстановкой начала XIX в. Здесь же находилась Свято-Александровская домовая церковь с колокольней. Ее священники имели академическое образование и преподавали закон божий в гимназии и богословие в институте. На заутрене в пасхальную ночь студенты читали Евангелие на двенадцати языках. Служба была настолько красивой, что на нее приезжали даже бывшие студенты из других городов. Студенты ходили в церковь по желанию.

После семилетнего перерыва дневниковые записи свидетельствуют о жизни в Нежине в 1918 г. на революционной Украине. Анна служит в местной гимназии, дает частные уроки и практически ежедневно занимается со своими племянниками. Уклад жизни старались сохранить прежним. Помимо работы, Анна училась в Нежинском историко-филологическом институте, слушала лекции по психологии, философии и другим дисциплинам. Детям, Юссе, Василию, Борису и Леночке, родившейся в 1917 г., старались по возможности обеспечить все необходимое.

Из дневников мы узнаем, что в мае 1918 г., восьми лет, Борис Кукаркин поступает в местную гимназию. Для зачисления ему пришлось сдавать экзамены по нескольким дисциплинам: арифметике, русскому языку и Закону Божьему. (По арифметике он получает тройку, по закону Божьему — пятерку.) С его старшим братом Васей тоже приходится заниматься и тете, и Василию Васильевичу. («Вася доставляет самые большие тревоги семье».) Детям, как принято в семье, стараются давать хорошее образование, продолжают музыкальные вечера, Эмилия Александровна часто играет на рояле, читают вслух. Анна пишет рефераты по философии и психологии, обсуждая их в семье. Нежинская гимназия помещалась во втором этаже знаменитого «дома Безбородко», а третий этаж занимал Историко-филологический институт.

Из дневника Анны Алендорф 1918 г. 13 января. Суббота: «Тепло и туманно. От Бори узнала, что Женья и Дима ходили через речку, и произвела расследование. В конце концов, оказалось, что Боря ходил, но только несколько недель тому назад. <...> Пошла к Лене и застала там Боречку в большом смущении и горе. Он прибег к ходатайству няньки, торжественно пообещав мне, что он больше никогда-никогда не будет непослушным, и мы с ним помирились...»

«... Вот еще одна забота, которая меня страшно гложет, т. к. я чувствую, что повлиять на Васю страшно трудно. Бог его знает, что это за мальчик, и есть ли в нем любовь, хотя бы, например, к матери. Хочу все-таки с ним серьезно поговорить. Вернувшись домой, опять занималась латинским. Удивляюсь я все-таки на себя: если бы мне кто-нибудь заранее нарисовал ту ужасно грустную картину нашей семейной жизни в настоящее время, я бы, наверное, подумала, что при таких обстоятельствах я не буду в состоянии уже ничем интересоваться и ничем заниматься, а между тем этого нет: несмотря на ту ужасную тяжесть, которая большей частью камнем лежит у меня на душе, я все-таки могу отвлекаться, мечтать, с увлечением отдаваться занятиям латинским языком и т. д.»

Из письма Эмилии Александровны из Нежина 22 август 1918 г.: «У нас в городе пока, слава Богу, довольно спокойно, хотя расстрел большевиков-грабителей каждый день повторяется. В окрестностях их еще много и все новые вспышки приходится немедленно усмирять.

... Мое здоровье неважное, очень слабое, как это и должно быть при семидесяти лет. Вас. Вас. [Василий Васильевич. — И. К.] в Киеве, Лену одну нельзя оставить, и Аня второй день там проводит. Она тоже устает бегать по частным урокам. Место в классической гимназии, которое она раньше занимала, ей его снова предложили, она не может взять, так как украинский язык теперь — главный предмет. На днях она получила 6 уроков в III-й женской гимназии и очень этому рада».

Из письма Эмилии Александровны. Нежин. 12 (25) октября 1919 г.: «... С трех сторон они на нас двинулись, вокзал переконали три раза из рук в руки и остался в руках немцев. В городе самое жаркое сражение было у дома Лениного, и они и старшие дети сейчас еще страшно волнуются при рассказах об этом, но, слава Богу, никто из них не пострадал. Пока нельзя здесь быть спокойными, но, если они уйдут, так, пожалуй, беда будет хуже, чем была!»

Возвращение в Нижний Новгород

Как пишет Кира Аллендорф (старшая дочь Александра Аллендорфа, дяди Бориса Кукаркина) в своем дневнике, в 1920 г. в семье случились трагические потери. Умерла Эмилия Александровна, затем Лена (мама Кукаркина), затем его дядя Эрвин (в Нижнем Новгороде).

В 1921 г. старшая дочь в семье Кукаркиных Нюся (Анна Кукаркина) решает выйти замуж за Свободова Александра Николаевича (1884—1950). Он был старинным другом семьи и не раз упоминался в дневнике Анны. Нюся была гораздо моложе мужа, а для него это был второй брак. В 1919 г. Свободову было присвоено ученое звание доцента по русской литературе и методике преподавания литературы. До революции он служил учителем истории и словесности в Александровском дворянском институте, а после 1917 г. стал активно участвовать в становлении нижегородской высшей школы. Вместе с ним во всех его начинаниях участвует и его молодая жена.

После отъезда племянницы тетя Бориса, несмотря на сопротивление родных и знакомых Аллендорфов, Шепелевых и других, решает вернуться в Нижний Новгород. Переезду помогали и Зинаида — жена Эрвина, и Свободов, и Александр Аллендорф — как железнодорожник он помогал с пропусками. (Тогда без пропуска выехать было просто невозможно, а Александр Александрович был инженером на железной дороге, он мог помочь с их получением.) В 1922 г. Анна с Борей и Леночкой переехали в Нижний Новгород. А Василий Кукаркин с сыном остались в Нежине. В дальнейшем судьба отца Кукаркина и его брата оказались трагическими. Отец, работая директором одной из школ на Украине, был репрессирован. О брате Кукаркина Василии Васильевиче не удалось ничего узнать.

В Новгороде семью приняла Зинаида, вдова Эрвина — дяди Бориса Кукаркина. Свободовы жили отдельно. Тесное общение и взаимопомощь продолжались. Свободов вместе со своей женой Нюсей (Анной) при педфаке университета организовали кабинет местного края, для которого Николай Александрович собирал материалы о нижегородских литераторах.

В 1927 г. выступил он выступил с инициативой создания первого в мире Литературного музея имени Максима Горького к 60-летию писателя.

Торжественное открытие музея в нескольких комнатах Губернской библиотеки на родине «буревестника революции» состоялось 20 мая 1928 г. В 1934 г. музей переехал в особняк В. М. Бурмистровой на улице Университетской (ныне Минина, 26), где располагается и по сей день.

Анна Свободова, по свидетельству своих детей Галины и Валерия, всю жизнь, оставаясь в тени мужа, помогала ему во всех его начинаниях. Свободов является основоположником историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, открытого в 1946 г. Как нам кажется, деятельность старших по возрасту Свободова Александра Николаевича и его жены Анны Васильевны стимулировали амбициозного четырнадцатилетнего юношу Бориса Кукаркина к поиску своей, интересной для него деятельности после его возвращения в Нижний Новгород.

Кстати, 24 мая 2019 г. состоялось торжественное открытие мемориальной доски Александру Николаевичу Свободову (1884—1950) на доме, где проживали Свободовы. Мероприятие организовано Государственным музеем А. М. Горького. Ввиду того что ученый до революции состоял в партии социалистов-революционеров и дважды арестовывался в 1919, 1923 гг. (третий арест состоялся в 1930 г.), возглавить музей ему самому было не суждено. Сын Свободовых, Валерий, ставший доктором искусствоведения, рассказал много интересных подробностей из жизни семьи, в том числе о роли своей матери как большой помощницы отца во всех его литературных, исторических и преподавательских делах.

Когда семья Кукаркиных возвращается в Нижний Новгород, Борис попадает в шестой класс опытно-показательной школы, находившейся в помещении бывшей Нижегородской мужской гимназии. Мужская гимназия преобразована в учительский институт, куда определяется работать его тетя, Анна. Исторически мужская гимназия было одним из лучших учебных заведений в городе. С 1866 по 1869 г. здесь учителем физики и математики служил отец Владимира Ильича Ленина, Илья Николаевич Ульянов. В августе 1864 г. он создал в этой гимназии первый в городе физический кабинет, ставший городским центром пропаганды естественно-научных знаний. С 1889 г. сюда переехал Нижегородский клуб любителей физики и астрономии (НКЛФА). Этот факт сыграл особую положительную роль в жизни Бориса Кукаркина. А также то, что опытно-показательная школа была базовой площадкой для проведения практики студентов педагогического института, находившемся в этом же здании. Ученики школы и сами часто давали пробные уроки в своем же классе с последующим их обсуждением в присутствии методиста-преподавателя.

В этом здании, принадлежащем ныне педагогическому университету им. Минина, Нижегородский кружок любителей физики и астрономии располагается до сих пор.

После революции 1917-го гимназия просуществовала ровно год. В 1921 г. здание гимназии занял Нижегородский учительский институт, при нем и состояла школа, в которую попал Борис Кукаркин.

В 1919—1923 гг. кружок вынужденно не действовал, возобновление его деятельности как раз совпадает с приездом Кукаркина в Нижний Новгород, началом его обучения в опытно-показательной школе, которая располагалась в том же здании, что и НКЛФА.

Зинаида Аллендорф (Пестова) и ее брат Николай Пестов

По приезду в Нижний Новгород сестру с двумя племянниками приняла Зинаида Евграфьевна Аллендорф (девичья фамилия Пестова). Ее мужем был Эрвин Аллендорф — дядя Кукаркина. К тому времени он умер (в 1920 г.). Борису в этот момент было 14 лет, а Леночке всего 5 лет. Зинаида в то время жила в Плотничьем переулке в родительском доме. Здесь некоторое время назад жил ее младший брат, Николай Евграфьевич Пестов. В родном доме по адресу: Плотничный переулок, 22, у него остается домашняя химическая лаборатория, астрономическая труба и много еще чего интересного для племянника Зинаиды Евграфьевны, молодого Кукаркина.

О Пестове Николае Евграфьевиче, не близком, правда, родственнике Кукаркина, — он родной брат жены его дяди — действительно, седьмая вода на киселе, все ж стоит рассказать особо еще и потому, что он имеет непосредственное отношение к Уралу.

По мнению самого Пестова, своим становлением он обязан дяде Кукаркина, Эрвину. Вот что он пишет в дневниках, оформленных после его смерти в книгу воспоминаний его потомками: «Среди воспитывавших и окружавших меня людей я не могу не вспомнить своего родственника — мужа моей сестры Зинаиды — Эрвина Александровича Аллендорфа. Именно ему я обязан многими положительными чертами моего характера. В юношеские годы мне часто приходилось гостить у Аллендорфов, и Эрвин Александрович проявлял по отношению ко мне поистине отеческую заботу. В 1892 г. Эрвин Александрович окончил Императорский Дворянский институт им. Александра II. Дядя Эря, как я его называл, официально считал себя лютеранином, но я не замечал в нем никаких признаков религии. Со мною на религиозные темы он никогда не говорил, как, впрочем, и все члены нашей семьи. Летом я часто жил у него на даче. <...> Садясь за стол, никогда не молились ни у нас в семье, ни у дяди Эри. Детей у Зины не было. Эрвин Александрович преподавал в гимназиях русский язык. Он был очень добрый, деликатный, чрезвычайно аккуратный, благовоспитанный и всеми уважаемый человек. Все свои силы и знания он щедро отдавал своей педагогической деятельности. Мне было с кого брать пример. <...> Во многом он заменял мне рано умершего отца...» [6]. Получилось, что дом 22 в Плотничном переулке передал познавательную эстафету следующему поколению семьи.

Еще цитата: «Когда случается мне вспоминать детство, прежде всего встает передо мной наш маленький домик в Плотничном переулке. Я до сих пор люблю такие домики: приветливые, уютные, со множеством пристроек, с простым забором из барачного леса и палисадником, в котором росли кусты сирени и жимолости. В памяти моей этот тихий уголок остался навсегда светлым синонимом удобства, домовитости и тихой беззаботной жизни. В светлых уютных комнатах с неуклюжими широкими печами, выложенными голубыми изразцами, с простой, но удобной мебелью прошло мое детство» [6].

Пестов Николай Евграфович родился в Нижнем Новгороде 4 августа 1892 г. Его отец был мещанином, а мать из семьи купцов Баташевых, крестным же отцом стал Николай Матвеевич Башкиров. В старших классах реального училища Николай увлекался астрономией и много времени проводил на специальной вышке с большой астрономической трубой. Он вспоминает: «Я мог целыми ночами просиживать на вышке, наблюдая луну, планеты и звездное небо». В 1911 г. по совету Эрвина Аллендорфа он поступает в Императорское высшее техническое училище в Москве (впоследствии — МВТУ им. Н. Э. Баумана), на химический факультет. Существенную помощь в Москве студенту оказывает его крестный отец, Николай Матвеевич Башкиров, богатый купец, имевший в Москве на Старой Басманной свой дом, в котором и поселяется студент Пестов.

В 1914 г. начинается Первая мировая война. Вот что пишет Николай в воспоминаниях: «Газеты публиковали патриотические статьи и призывы. Мне пришла в голову мысль: впоследствии, когда у меня будет семья, у меня спросят дети: “Что ты сделал для защиты

Отечества?» И тогда, 1 октября 1914 г., юноша поступает в Алексеевское военное училище на правах вольноопределяющегося 1-го разряда юнкером рядового звания. По окончании курса в училище по 1-му разряду Высочайшим приказом, состоявшимся в первый день февраля месяца 1915 г., он произведен в прапорщики с назначением в 56 пехотный запасной батальон (Самогитского полка). «... Прибыл и зачислен в списки 56 пехотного запасного батальона и 6 роты младшим офицером 6 февраля 1915 г.»

Вот что он сам пишет: «Моя служба в 56-м батальоне проходила довольно спокойно. Офицеры батальона в основном несли караульную службу на различных объектах Москвы. За полгода моей службы в Москве мне пришлось около 10 раз стоять на карауле в Кремле. Мой пост находился на втором этаже Большого Кремлевского Дворца. Дважды видел императора Николая II. Первый раз встреча с императором произошла на Манеже во время строевого смотра. Николай II был одет в офицерскую форму, поверх которой была накинута белая бурка, на голове папаха. Лицо царя было строгое, взгляд задумчивый и грустный. Он молча прошел мимо нас в сопровождении свиты, а когда прозвучала команда “вольно”, он подошел к строю и стал беседовать с некоторыми офицерами и солдатами. Вторая моя встреча с ним произошла в момент несения караула в Кремле. Дверь, возле которой я стоял, внезапно отворилась, и я увидел императора. Я отдал честь и встал по стойке “смирно”. Император молча посмотрел на меня невидящим тяжелым взглядом и быстро удалился по коридору, покачивая головой и нервно потирая руки».

На фронте, по отзывам со стороны воинского начальства, Пестов проявляет себя как выдающийся офицер, был представлен к наградам.

После октябрьских событий 1917 г. Н. Пестов отправился на малую родину, в Нижний Новгород. Здесь работал сначала делопроизводителем, потом сотрудником Горпродкома. Через некоторое время Николай получает назначение на трудоустройство в органы Всеобуча и вступает в ряды коммунистов. Позже его определяют курсантом на Центральные Высшие курсы, после чего он получает звание и мандат военного комиссара.

В сентябре 1919 г. его направляют работать начальником Управления Всеобуча при Уральском военном округе. Он вспоминает: «Как начальнику Всеобуча, мне постоянно приходилось совершать поездки по всему округу. В одну из таких поездок на Верхне-Синячихинский завод мне пришлось проезжать неподалеку от г. Алапаевска. Я ехал в автомобиле с Н. Г. — секретарем Алапаевского Совета. Невдалеке от дороги, рядом с каким-то заброшенным строением, мое внимание привлек большой покосившийся крест. Я спросил:

— Чья это могила? Что же, тела еще там?

— Нет, комиссар, белые как только заняли это место, сразу их всех вытащили и увезли. . .

— Есть у вас список казненных?

— Есть, в Екатеринбурге должно есть, — ответил секретарь.

Достав список не составило труда. Среди прочих знакомых имен Великих князей было и имя Великой княгини Елизаветы Федоровны (игумении Елизаветы). Перед глазами встало ее лицо, обрамленное белым апостольником с печальным и кротким взглядом. . .

— Да не могила это, — ответил Н. Г., — крест поставили беляки на том месте, где казнили царских родичей в июле восемнадцатого. Неподалеку от креста и штольня, куда их сбрасывали. . . »

Из дневника Николая Евграфовича Пестова. Сентябрь 1918 г.: «Во время осмотра Екатеринбурга и служб Всеобуча посетил Ипатьевский дом. Вот уже не думал, что буду на том месте, где закончилась жизнь Николая II и его семьи. Впечатление от дома тяжелое. Почти во всех комнатах сорваны обои, пробиты перегородки и перекрытия, грязь, битые стекла и штукатурка. . . В коридоре следы от пуль и копыт. Очевидно, дом горел. Некоторые комнаты обставлены довольно приличной мебелью. Дом жилой.

Вечером вспомнил свои встречи с царем.

В Екатеринбурге (Свердловске), где я жил постоянно, периодически проводились смотры войск Всеобуча. Дважды наши “парады” принимал председатель Реввоенсовета Республики. Этот пост в те годы (до января 1925 г.) занимал Л. Д. Троцкий. С этим человеком мне пришлось довольно близко познакомиться. Я сопровождал его в инспекционной поездке по частям, расквартированным по различным городам Приуралья (Свердловская обл.). Спустя много лет, вспоминая те годы, я прихожу к выводу, что это была истинно демоническая личность. И тем более горько сознавать, что в тот период я своими действиями и поступками заслужил его одобрение.

Во время своего последнего приезда в Екатеринбург Троцкий подарил мне свою книгу с дарственной надписью: “Моему другу и соратнику Н. Пестову на память. Лев Троцкий”.

За годы Гражданской войны Николаю Евграфовичу неоднократно приходилось встречаться с такими людьми, как М. В. Фрунзе, И. И. Вацетис, М. Н. Тухачевский, В. И. Шорин, Г. Д. Гай, С. С. Каменев, Цуриона и другими крупными военными и государственными деятелями.

Осенью 1921 г. Пестов попал на лекцию В. Ф. Марциновского «Жил ли Христос». Содержание лекции глубоко тронуло душу комиссара. Пережив личный мистический опыт во сне, связанный с дядей Кукаркина Эрвином и увлекаемый духом Евангелия, Николай Пестов уволился из рядов РККА, а в 1922 г. вышел из партии.

В том же году он возвратился в Москву и, восстановившись в студенчестве, продолжил учебу в МВТУ. В свободное время посещал заседания христианского кружка.

5 марта 1924 г. Н. Е. Пестову было вручено удостоверение № 1384. В этом документе указано, что «им, Пестовым, к 25 февраля 1924 г. прослушаны все курсы, исполнены все практические занятия по программе Технологического отделения Химического факультета Училища (МВТУ) и выдержаны все испытания, согласно чего он имеет звание (квалификацию) инженера».

Из книги Пестова «Научная и педагогическая работа» (1923—1941)

«Еще не окончив своего образования в МВТУ, я по рекомендации моего руководителя, академика Э. В. Брыцке, был зачислен сотрудником Научного института по одобрениям, где преподавал и вел исследовательскую работу. . .

Тотчас же по окончании МВТУ я стал помогать академику Э. В. Брыцке в качестве ассистента и около 1928—1929 гг. стал вести технико-экономические расчеты при кафедре минеральных удобрений и затем читать доцентский курс по технологии азотных, калийных и сложных удобрений. Из МВТУ перешел с хим. факультета во 2-й МХТИ, а затем в Военную академию химической защиты Красной Армии им. К. Е. Ворошилова, где в должности зав. кафедрой калийных солей проработал до октября 1933 г.

С осени 1933 г. оставил Военно-Химическую академию и до осени 1937 г. преподавал в МХТИ им. Менделеева, где читал курс, руководил дипломным проектированием и дипломными работами по специальности “Технологии минеральных удобрений”. Помимо указанной педагогической работы, я читал эпизодические лекции и циклы на предприятиях для инженерно-технического персонала (в Бобринях, на Воскресенском химкомбинате), преподавал в Высшей академии комсостава промышленности и руководил аспирантами НИУ.

. . . Мои научные работы посвящены термическим процессам переработки фосфатов на удобрения, комбинированным и сложным удобрениям, методике анализа удобрений, методам расчета, обследованию установок, технологии чистых и технических фосфатов и др.

Будучи на работе в НИУ, принимал участие в работе опытных установок на заводах и обследовании производственных установок (Черноречье, Константиновский химический завод).

В последнее время (начало 40-х гг.) работал над методикой научно-исследовательской работы (написал ряд статей и книгу), над получением магнесодержащих удобрений и определением физико-химических свойств в удобрениях. Всего имею около 160 научно-

исследовательских работ, монографий и статей.

В 1931 г. получил премию за научные труды от Комитета по химизации. . .

В 1933 г. был премирован ударной грамотой в НИУИФ, и в 1935 г. в МХТИ им. Менделеева.

В ноябре 1934 г. утвержден ВАК в звании профессора по кафедре минеральной технологии.

11 мая 1935 г. утвержден ВАК в ученом звании действительного члена института НИУИФ по специальности «Химическая технология».

С 1935 г. по 1937 г. состоял председателем программно-методической комиссии ГУУЗа НКТП по химическим ВТУЗам».

В 1933—1937 гг. он работал в Московском химико-технологическом институте им. Менделеева. За отказ выступить на собрании с осуждением арестованного профессора Николая Юшкевича был уволен из МХТИ. В 1939 г. Н. Пестов получил приглашение от администрации МИЭИ. Выдержав конкурсы, он занял место заведующего кафедрой химической технологии. В 1941 г. был утвержден соответствующим определением в степени доктора химических наук. От призыва на фронт с началом Великой Отечественной войны его освободили из-за астмы.

По воспоминаниям дочери Пестова: «Научная работа отца в войну не прекращалась. Вскоре вернулся из эвакуации Инженерно-экономический институт, где папа преподавал химическую технологию. Правительство заботилось о профессорах, и для них была отведена столовая в центре, где они ежедневно получали прекрасный сытный обед. Но профессора, помня о своих семьях, съедали в столовой только суп, а хлеб, закуску, второе блюдо и даже стакан вина и компота умудрялись сливать в баночки и брать с собой. Тогда для желающих столовую заменили карточкой, называющейся «сухой паек». Для отоваривания ее выделяли специальные магазины, хорошо снабжавшиеся продуктами из Америки: беконом, яичным порошком, копченой рыбой и тому подобное. В этом «закрытом» (для других людей) магазине разрешили отоваривать карточки и членов семей профессоров. Тогда мы вздохнули облегченно, ибо с тех пор питались совсем неплохо (с начала 43-го г.)».

В январе 1941 г. Пестов защитил докторскую диссертацию «Физико-химические свойства порошкообразных и зернистых продуктов химической промышленности». С декабря 1942 по декабрь 1943 г. был деканом химического факультета, а с октября 1943 г. состоял заместителем директора по научной и учебной работе.

Как преподаватель Николай Евграфьевич Пестов не был строг. Его дочь Наташа пишет: «Студенты любили папу. Он не заставлял их зазубривать формулы наизусть, не боролся со шпаргалками, поэтому у него на занятиях ими никто и не пользовался. На экзамены и зачеты он разрешал студентам приносить с собой и иметь на столе какие угодно учебники, тетради и записи. «Только б они смогли справиться с поставленными перед ними задачами, — говорил отец. — А эти учебники и тетради они смогут всегда иметь при себе в жизни, так зачем же помнить что-то наизусть?». Двоек профессор не ставил, а просил подготовиться и прийти на экзамены еще раз. «Я не хочу лишать кого-либо стипендии», — говорил он».

Годы войны явились для Н. Е. Пестова годами интенсивной научной и педагогической деятельности. Его работы печатались и у нас в стране, и за рубежом. Некоторые аспекты его научных трудов имели непосредственное отношение к оборонной промышленности.

Приказом ВЦИК от 4 ноября 1944 г. Н. Е. Пестов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Из дневника Н. Е. Пестова. 3 мая 1945 г.: «Приближается Пасха, в этом году поздняя. Скоро и конец войне. В Богоявленском соборе сегодня, в Великий Четверг, служил наш новый Патриарх Алексей».

6 июня 1946 г.: «Работа в институте занимает очень много времени. Пост зам. дирек-

тора по научной работе заставляет быть в курсе всех последних достижений химической науки . . . Работаю много и увлеченно. . . Знание языков помогает мне в знакомстве с последними зарубежными достижениями в области технологии минеральных удобрений».

В 1946 г. Николай Евграфович был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

С 50-х гг. он известен как православный писатель, богослов. Выходят его книги по различным вопросам христианской жизни, объединенные в два тома под названием «Пути к совершенной радости», а также первая редакция книги «Над Апокалипсисом».

В 1953 г. за выслугу лет и безупречную работу в числе работников науки высших учебных заведений г. Москвы он награжден орденом Ленина. Дочь Николая Пестова, Наталья, стала женой священника Владимира Соколова, настоятеля храма св. Адриана и Натальи в Лосиноостровской и матерью священников Николая Владимировича Соколова, настоятеля храма святителя Николая в Толмачах (домовой храм Третьяковской галереи, где он служит и в настоящее время), Федора Владимировича Соколова, настоятеля Преображенского храма в Тушине и епископа РПЦ Сергия (Соколова).

Удивительно, что Борис Куаркин, приехав Нижний Новгород, попадает в родительский дом Пестовых, в Плотничный переулок, 22. Возможно, что астрономическая труба Николая Пестова и стала тем инструментом, с помощью которого были сделаны самые первые наблюдения молодого астронома.

Борис Куаркин и обсерватория НКЛФА в Нижнем Новгороде

Вернемся к Б. В. Куаркину и к его работе в обсерватории НКЛФА в Нижнем Новгороде. В 1923 г. кружок отмечает 35-летие своей деятельности. В этот период в НКЛФА приходят интересующиеся астрономией рабочие, служащие, военные, учащиеся. Важным событием в жизни кружка явилось создание секции юных любителей астрономии. Секция эта начала работать 11 марта 1923 г.

В феврале 1924 г. при большом скоплении народа было проведено массовое наблюдение полного лунного затмения. Собрания кружка оживились, стали возобновляться и связи с авторами статей для астрономического календаря, выпускаемого прежде.

К этому времени Борис, вступивший в юношескую секцию НКЛФА в 1925 г., становится самым активным молодым исследователем кружка. Участники секции обучались приемам наблюдений в переносные инструменты и бинокли. По воспоминаниям одного из ветеранов НКЛФА, в кружке была популярна игра-состязание среди элиты этого объединения любителей астрономии. Кто-то называл звезду, а отвечающий должен был назвать ее координаты и характеристики, или наоборот. На заседаниях секции читались доклады (в том числе и юными астрономами) о Солнечной системе, истории календаря, солнечных и лунных затмениях, жизни на Марсе и др.

Уже во время обучения в школе у Бориса была та самая подзорная труба, с помощью которой он мог проводить свои первые наблюдения. Позже он сделал телескоп, лучший по своим качествам, чем покупная труба.

Оказывается, что кружок стоял у самых истоков астрономического образования в России. С 1906 г. НКЛФА были организованы систематические курсы по астрономии «для всех желающих с числом слушателей, доходивших до 120 человек», «практика создания курсов, их учебный план и система организации занятий легли в основу подготовки специалистов на астрономическом отделении физико-математического факультета в стенах высшего учебного заведения — Народного университета (далее ННГУ им. Н. И. Лобачевского), созданного позднее в 1916 г. В программе обучения содержались следующие дисциплины: “Сфериче-

ская астрономия”, “Теория астрономических инструментов”, “Описательная астрономия”, “Оптика”, “Теоретическая астрономия”.

В 1927 г. на средства пожертвований горожан была построена Народная обсерватория на бывшем здании гимназии (ныне главный корпус НГПУ). «Неоценимую помощь кружку оказал известный российский астроном Ф. А. Бредихин, уступивший ему свой 4-двоймовый телескоп фирмы „Merz“... Сотни людей познакомились при помощи этого телескопа со звездным небом. Б. В. Кукаркин начинал свою научную деятельность с наблюдений переменных звезд именно в этот телескоп».

Событием большой важности для кружка 22 мая 1927 г. стало торжественное открытие обсерватории на крыше педагогического института, 29 июня, в день солнечного затмения, она открылась для посетителей [В Нижнем Новгороде затмение было частным. — *И. К.*].

Сотни нижегородцев побывали в этот день в обсерватории, наблюдая величественное явление природы, без сомнения, Борис Кукаркин был в их числе — до 1931 г. он возглавлял работу обсерватории. К этому событию кружок выпустил брошюру «Затмения 1927 и их наблюдения» [7]. Вычисление всех основных данных затмения были сделаны членами кружка М. А. Касаткиным, В. С. Лазаревским, Б. В. Кукаркиным, Н. М. Вороновым и другими под руководством М. А. Касаткина, организовавшего вычислительную секцию.

Заседания кружка посещали известные нижегородцы: фотохудожники А. О. Карелин, М. П. Дмитриев, инженер В. И. Калашников и другие. В деятельности кружка активное участие принимал А. М. Горький, что было обусловлено его дружбой с С. В. Щербаковым и интересом к культурной и образовательной жизни города.

В 1893 г. в качестве иногороднего члена в состав кружка был избран К. Э. Циолковский, который опубликовал в очередном сборнике трудов кружка свою статью «Тяготение как главнейший источник мировой энергии». С НКЛФА активно сотрудничал видный астроном второй половины XIX в., директор обсерватории Московского университета Федор Александрович Бредихин. Регулярно посещал собрания кружка и губернатор. Помимо специалистов, в кружке состояло и много любителей.

Активными участниками работы кружка стали учителя нижегородской гимназии. Результаты астрономических наблюдений позволяли педагогам Нижнего Новгорода поддерживать профессиональные контакты с астрономами Санкт-Петербурга и Москвы.

Уже в первые годы деятельности кружка для учеников гимназии, коммерческого и реального училищ были организованы астрономические наблюдения. На здании коммерческого училища была организована наблюдательная площадка и было приобретено два 4-двоймовых телескопа. Совместно с Русским астрономическим обществом, основанным в 1890 г., НКЛФА удалось провести реформу преподавания космографии. Космография была введена в учебные планы как самостоятельная дисциплина, на которую отводилось 2 часа в неделю в реальном и военном училищах и 1 час — в гимназиях.

«К звездам»

В 1928 г. Кукаркин обнаружил зависимость между периодом и спектральным классом затменных переменных звезд. Возможно, публикация в немецком журнале «*Astronomische Nachrichten*» первой научной статьи, касающейся затменно-переменной звезды Эпсилон Возничего [8], вдохновила молодого исследователя, или этим событием была организация в Нижнем Новгороде литературного музея им. А. М. Горького родственником Кукаркина (мужем сестры). Но это повлекло за собой инициативу молодого исследователя организовать в Нижнем Новгороде издание научно-исследовательского и информационного бюллетеня «Переменные звезды», редактором издания стал сам Б. В. Кукаркин, эту работу он не уступил никому в течение 49 лет.

По воспоминаниям самого Бориса Васильевича, новому изданию пришлось преодолеть большое сопротивление представителей старшего поколения астрономов, которые считали, что все необходимые астрономические сообщения публикуются в немецких журналах, поэтому еще один журнал никому не нужен. На запрос учредителей нового научного издания об организации специального печатного органа, разосланный десяти крупнейшим советским специалистам-астрономам, девять ответили отрицательно.

Несмотря на трудности, первый номер бюллетеня «Переменные звезды» был издан 15 мая 1928 г. Состоял он из одного листка, на двух страницах которого были опубликованы исследования четырех переменных звезд (научно-исследовательская часть), список 32 открытых переменных и сообщения о 10 исследованных переменных звездах (информационная часть). Было издано 500 экземпляров.

С тех пор исследования переменных звезд и систематизация сведений о них стали для Бориса Кукаркина главным интересом и делом всей жизни. Именно с этого момента, с нашей точки зрения, начинается научная миссия Бориса Васильевича Кукаркина. Это были самые первые ростки титанической плановой работы в области исследования переменных звезд, которые впоследствии вывели советскую науку на передовые позиции в мире в этой области.

Уже первые выпуски бюллетеня «Переменные звезды» привлекли внимание и многочисленных любителей во многих городах СССР, и специалистов-астрономов. Издание становилось востребованным, а Б. В. Кукаркин — все более известным астрономом. Исследование переменных звезд в отечественной астрономии в то время было одним из основных направлений. Для этого еще не требовалось крупных инструментов и практически все обсерватории занимались этой тематикой. Тогда, как и сейчас, переменные звезды были самым излюбленным объектом исследований и у любителей астрономии. Поскольку это одна из немногих областей фундаментальной науки, где вклад любителей имеет явное научное значение и высоко оценивается профессионалами. Необходимость координации профессионалов и любителей привела к тому, что с 25 по 30 июля 1928 г. в Нижнем Новгороде был проведен II Съезд любителей мироведения, астрономии и геофизики, приуроченный к 40-летию НКЛФА.

Бюллетень «Переменные звезды» быстро становился центральным органом советских исследователей переменных звезд. Популярность бюллетеня, а также научная и организаторская деятельность его редактора, привели к тому, что именно в Нижнем Новгороде была проведена первая Всесоюзная конференция наблюдателей переменных звезд (2–4 июня 1930 г.).

В 1931 г. последовало приглашение Кукаркина на работу в Ташкентскую обсерваторию, а затем, через год, — приглашение в Москву в ОГАИШ (ГАИШ), где ему предстояло раскрыться как ученому, организатору науки и преподавателю.

Семья Бориса Васильевича Кукаркина

Если говорить о детях Кукаркина, которых у него трое, то каждый из них имеет отношение и к науке, и к преподаванию. Одна из дочерей Бориса Васильевича в 1977 г. окончила факультет психологии МГУ и занимается проблемами детей с аутизмом, их обучением, коррекцией и адаптацией.

Младшая дочь Бориса Васильевича Кукаркина, Елена Оборнева, родилась в 1956 г., ее матерью была однокурсница Наталии Сычевой, жены Бориса Кукаркина. Обе они выпускницы астрономического отделения мехмата МГУ 1948 г. До 28 лет Елена-младшая жила на территории Краснопресненской обсерватории МГУ. После окончания факультета ВМК МГУ она 25 лет работала в лаборатории вычислительной лингвистики МГУ, принимала участие в создании первого в мире пятиязычного словаря для компьютеров, в статистиче-

ских исследованиях русской разговорной речи. Затем занималась филологией, изучением иностранных языков, психологией, психогенетикой и многим другим. С февраля 2018 г. Елена — член Московского областного союза писателей, пишет книги для детей и сама их иллюстрирует как художница.

Из троих детей Бориса Кукаркина ближе всего к нему по профессии сын, Алексей Борисович Кукаркин, который работает в НИВЦ МГУ. Он ведущий математик в лаборатории математического моделирования, с 1982 г. кандидат физико-математических наук (диссертация «Вычисление интегралов от быстроосциллирующих функций»). Алексей Борисович Кукаркин преподавал на мехмате МГУ, и в Московском авиационном институте, читал курс «Численные методы».

Сегодня у Бориса Васильевича уже есть внуки и правнуки, которые живут в Москве. Одного из них назвали в честь деда.

Заключение

Из исследования видно, что огромное влияние на Бориса Кукаркина оказала его семья. Все его родственники имели отношение к преподаванию, но большинство из них связано с преподаванием гуманитарных дисциплин. Среди них есть художники, филологи, искусствоведы. Профессиональный же выбор же Бориса Кукаркина связан со счастливыми для него обстоятельствами, тем, что он стал обладателем астрономической трубы Николая Пестова и членом замечательного сообщества НКЛФА — места, где и сформировались его педагогические и научные способности.

Библиографические ссылки

- [1] Аллендорф Анна, Аллендорф Кира, Аллендорф Эмилия. Дневники семьи Аллендорф. — <http://olifantoff.ru/category/allendorf/>. — 2013. — (дата обращения: 25.11.2022).
- [2] Поливанова М. А. Запись о посещении Достоевского 9 июня 1880 года // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2 / ред. В. В. Григоренко, Н. К. Гудзий, С. А. Макашин и др. : Серия литературных мемуаров. — М. : Худ. литература, 1964. — С. 357–364.
- [3] Аллендорф К. А. Очерк истории французского языка. — М. : Учпедгиз, 1959. — 182 с.
- [4] Аллендорф М. А. Живопись, графика, театр: О жизни и творчестве М. Аллендорф / ред. Лагутин, С. Я. — М. : Константа, 2000. — 73 с.
- [5] Слепенкова Е. А. Из истории женского среднего образования в России // Педагогика. — 2000. — № 9. — С. 74–77.
- [6] От внешнего к внутреннему. Жизнеописание Н. Е. Пестова / ред. епископ Новосибирский и Бердский Сергей (Соколов). — Новосибирск : Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997. — 160 с.
- [7] Затмения 1927 и их наблюдения / ред. Горянов, Г. Г. — Нижний Новгород : Изд. Нижегород. кружка любителей физики и астрономии, 1927. — 48 с.
- [8] *Kukarkin Boris*. Der Lichtwechsel von AE Aurigae // *Astron. Nach.* — 1928. — Vol. 233. — P. 225–229.